

Panel 2 - Russia and Euro-Atlantic space: Charles Kupchan, Chair

Vladimir Baranovsky, Deputy Director, IMEMO (Institute of the World Economy and International Relations), Moscow.

Уважаемые коллеги, я благодарю организаторов этой конференции за возможность принять участие в этой дискуссии и высказаться по тем сюжетам, которые сейчас, как все мы хорошо знаем, обсуждаются очень энергично и в общественных дебатах, и в публичных дебатах. У нас произошел целый ряд событий в последнее время, которые расставляют новые акценты в этой проблеме, проблеме российского участия в евро-атлантическом пространстве, и мне кажется, что с этой точки зрения организаторы конференции очень точно сумели определить время и место проведения этой дискуссии, поскольку сейчас здесь действительно есть о чем поговорить. Есть о чем поговорить еще и потому что здесь есть некоторые проблемы, которые не всем кажутся очевидными, есть такие вопросы, на которые нет очевидных ответов или ответы могут быть разными. Я только сейчас вернулся из МГИМО, где я принимал экзамен, своих студентов я приучал быть очень точными и четкими в ответе на те вопросы, которые поставлены в билете. Вот я хочу как дисциплинированный студент попытаться четко пройти по тому списку вопросов, которые были предложены для этой конференции, потому что, по-моему, вопросы эти сформулированы очень четко и дают нам возможность для разговора на эту тему. Первый вопрос - это роль России в трансатлантических отношениях, в отношениях между США и Европейским Союзом, в более широком смысле слова, между Соединенными Штатами и Европой, является ли Россия партнером, в широком смысле слова, в этих взаимоотношениях или той силой, которая пытается развести участников трансатлантических отношений по разные стороны границы, по разные стороны баррикад, или, по крайней мере, создать какие-то проблемы в этих отношениях. На эту тему можно говорить очень много, вообще, проблема трансатлантических отношений традиционно была если не в фокусе внимания бывшего Советского Союза, но зато в числе тех проблем, которым всегда уделялось внимание. Существовала изначально такая концепция, согласно которой советским, проецируя логику на сегодняшний день, можно сказать, российским внешнеполитическим интересам должно соответствовать разъединение Соединенных Штатов и Европы. Много можно высказать аргументов в пользу этого подхода, я хочу еще раз подчеркнуть, что этот подход достаточно традиционный, укоренившийся в сознании, подсознании многих людей, которые рассуждают о внешней политике, которые даже иногда занимаются внешней политикой. Иногда возникает своего рода инстинкт, когда возникает какая-то проблема, смотреть на нее именно с этой точки зрения: "А нет ли здесь возможности получить какие-то дивиденды с точки зрения создания каких-то проблем в американо-европейских отношениях?". Сказав о том, что это такой традиционный подход, он до сих пор имеет не мало сторонников, я хотел бы ответить на этот вопрос в совершенно ином ключе. Я полагаю, что в России уже возникло понимание, понимание достаточно серьезное и широкое, во всяком случае, среди тех людей, которые профессионально занимаются вопросами внешней политики, вопросами позиционирования России на международной арене, возникло достаточно широкое понимание, что это контрпродуктивное поведение, что это та линия поведения, на которой очень трудно получить какие-то дивиденды, дивиденды с точки зрения интересов России или с точки зрения

интересов мирового сообщества, с точки зрения интересов международной стабильности. При этом важно сказать, что, конечно же, между Европой и Соединенными Штатами существует много проблем, существуют разные объективное геополитическое положение этих стран, существуют неодинаковые представления о приоритетности тех задач, которые они должны решать, существуют разные видения целого ряда конкретных вопросов, которые возникают в русле, может быть, единого подхода к каким-то широким проблемам. Возьмите, скажем, сюжеты, связанные с борьбой с международным терроризмом, мы знаем, что эта международная коалиция, в которой приняли участие Россия, европейцы, американцы, здесь есть такая общая солидарность относительно необходимости борьбы с этим новым вызовом в международных делах, так вот в рамках этой общей солидарности есть очень неодинаковые подходы относительно того, что нужно делать конкретно, каким должно быть соотношение политических и военных методов, на чем нужно сфокусировать внимание, какими критериями пользоваться при борьбе с международным терроризмом и так далее. Возвращаясь к поставленному вопросу, я бы хотел сказать, что в России все-таки, как мне кажется, возникает все более широкое понимание того, что играть на этом разном видении проблем бесперспективно и нецелесообразно, потому что это может дать какие-то сиюминутные результаты, но отнюдь не будет способствовать тому, чтобы улучшить положение России, улучшить ее позиции на международной арене, гораздо более важная задача - пытаться в рамках широкого трансатлантического потока, потока, в котором есть и проблемы, и общие подходы, пытаться найти такие вещи, которые могли бы включить Россию как достойного партнера и Европы, и Соединенных Штатов. Мне кажется, это важное изменение, потому что мы хорошо помним, что даже еще при предыдущем президенте не раз и не два возникали такие мотивы, что нужно попытаться побудить европейцев заниматься европейскими делами, что американцам здесь особо нечего делать, что Европа и Россия это органические партнеры, которые могут найти гораздо больше общего, общих точек соприкосновения, чем у каждой из них может быть с Соединенными Штатами. Вот когда эта философия, эта линия приобретает какой-то политический характер, мне кажется, это вызывает достаточно негативные последствия. Много можно говорить о контрпродуктивности такой линии, но мне кажется важным обратить внимание на одну вещь: когда мы говорим европейцам о том, что Россия должна быть им гораздо ближе, чем Соединенные Штаты, это почти сразу и почти инстинктивно вызывает реакцию отторжения, вызывает подозрительность, вызывает предположения о том, что Россия хочет сыграть на противоречиях между Европой и Соединенными Штатами, Россия хочет вбить клин между европейцами и Соединенными Штатами, и в результате мы оказываемся в далеко не самом лучшем положении. Второй вопрос - является ли Россия европейской или евроазиатской страной, может ли Россия быть европейской страной вместо того, чтобы быть атлантической в 21 веке. Я думаю, здесь мы затрагиваем очень большую тему, тему, по которой можно дискутировать бесконечно, по которой в нашей стране ведутся дискуссии на протяжении более ста лет, а, пожалуй, начались они еще раньше, и я бы сфокусировал внимание только на одной стороне дела, когда мы говорим об этой дихотомии европеизм или евроазиатское предназначение России. Здесь очень часто возникает смешение двух разных подходов, подхода цивилизационного и подхода геополитического. С цивилизационной точки зрения, можно развивать различного рода аргументацию

по поводу отличия России от Европы и можно делать это достаточно убедительно, но я бы предложил очень примитивный, я бы сказал, очень поверхностный подход. Вот если вы смотрите на Россию из Европы, вы увидите очень много различий, с цивилизационной точки зрения, между Россией и Европой, но если вы посмотрите на Россию откуда-нибудь с азиатского направления, из Пекина или из Токио, то у вас никаких сомнений не возникнет о том, что Россия, безусловно, принадлежит вот к этому широкому цивилизационному ареалу, который можно условно назвать евроатлантическим ареалом. Но геополитическая сторона дела это немножко другая вещь, потому что геополитически понятно, что Россия находится и в Европе, и в Азии, более того, многие из геополитических вызовов, вызовов безопасности России, они оказываются связаны именно с евроазиатским положением России, если уж мы исходим из того, что угроза безопасности с западного направления минимизирована, если не сказать сведена к нулю, то нам понятно, что эти евроазиатские геополитические вызовы, вызовы российской безопасности, они являются тем, что должно быть обязательно в центре внимания России. И вот когда мы не разделяем эти две вещи, цивилизационный и геополитический аспекты проблемы европейской или евроазиатской идентичности России, здесь возникают многие интеллектуальные и политические коллизии. Может ли Россия быть европейской без того, чтобы быть атлантической? Об этом я немножко говорил, отвечая на первый вопрос, я думаю, конечно, что вот это атлантическое и европейское измерение евроатлантической цивилизации, по большому счету, здесь гораздо больше общего, чем различного, хотя, конечно же, есть специфика, вот это атлантическое пространство шире европейского, у Европы, как мне кажется, конечно же есть много оснований для того, чтобы исходить из предпосылки о более высокой степени близости с европейцами нежели с теми, кто фигурирует или оперирует в широком атлантическом пространстве, но мне кажется важным еще раз подчеркнуть вот этот принципиальный момент, видеть эти два измерения как измерения различные, различные с точки зрения российских интересов, российских внешнеполитических ориентиров, мне кажется, такой подход был бы неправильным. Вопрос о том, что является наиболее важными проблемами безопасности, какие наиболее важные проблемы безопасности, связанные с расширением НАТО, и является ли расширение НАТО на восток наилучшим способом для того, чтобы отвечать на эти угрозы. Мой ответ такой: я не считаю, что это лучший способ ответить на те угрозы безопасности, которые возникают, более того, в чем-то это контрпродуктивный способ, потому что проблема расширения НАТО, как мы знаем, вызвала много сопутствующих явлений, в том числе и в отношении России к Западу, к Североатлантическому союзу, я думаю, с этой точки зрения, это был не лучший способ обратиться к тем новым вызовам безопасности, которые возникают перед участниками этого процесса, с одной стороны, но, с другой стороны, я полагаю, что российская реакция на проблему расширения НАТО была явно преувеличена и, я бы даже сказал, в чем-то неадекватна. Я сейчас не вдаюсь в подробности и не обращаюсь к тем аргументам, которые высказывали сторонники и противники этой точки зрения, просто излагаю свой взгляд. Мой взгляд состоит в том, что мы очень много потеряли когда столько много энергии, политической энергии, интеллектуальной энергии потратили на то, чтобы противостоять расширению Североатлантического союза в восточном направлении. Даже если это не лучший способ решения проблем безопасности, а, на мой взгляд, это не лучший способ, не лучший в том

смысле, что это не тот путь, не та система, которая позволяет найти адекватные способы реагирования на новые угрозы безопасности, которые возникают и будут возникать в 21 веке, так вот, даже если это не лучший способ, не самый адекватный механизм реагирования на эти новые угрозы, впадать в истерику по этому поводу было, как мне кажется, совершенно непродуктивно и то, что сейчас мы выходим на совершенно иной уровень, иной формат взаимоотношений с Североатлантическим союзом, мне кажется, это как раз является более адекватным подходом к этим проблемам. Ну и последний вопрос, он как бы связан с теми сюжетами, которые я уже затрагивал. Речь идет об экономических параметрах этой проблемы европейского и атлантического выбора России, можно ли считать, что формат ОЭСР (организации экономического сотрудничества и развития), экономического сообщества развитых стран, является ли этот формат наилучшим для того, чтобы попытаться вмонтировать Россию в этот формат, или России все-таки лучше может быть вмонтирована в европейское экономическое пространство. Я хотел бы еще раз подчеркнуть, что мне кажется, что эти две вещи не должны рассматриваться как противоречащие друг другу, но в первом случае идет о более широком пространственном и политическом ареале, европейский ареал, как мне кажется, он, по крайней мере тактически, на обозримую перспективу, является для России более органичным, более органичным по многим причинам, ну и в частности, учитывая характер, масштабы и возможности экономических взаимоотношений между Россией и Европейским союзом, ну мы просто ближе друг к другу чисто территориально, с географической точки зрения, и поэтому здесь возникают какие-то более широкие, более перспективные возможности, хотя закончить бы я хотел как раз подчеркнув еще раз, что здесь нет драматического выбора, это не ситуация такой дихотомии, или - или, либо одно, либо другое, участие России в европейском экономическом пространстве это условие и залог ее участия в этом широком экономическом атлантическом, если можно так сказать, экономическом пространстве.

Ivan Rybkin, former Secretary, Russian National Security Council.

Уважаемый председатель, уважаемые коллеги, я не беру на себя смелость сделать обзор всех вопросов, которые поставлены на повестку дня обсуждения нашей секции, не хотел бы очень придаваться воспоминаниями, но, наверное, об истории той точки зрения, которая сегодня начинает торжествовать, я имею в виду Римский договор, то, что президент России назвал возвращением России в цивилизованную семью европейских народов, эта точка зрения начинает превалировать, мне хотелось бы немножко рассказать, приоткрыть ту завесу может быть таинственности, кулуарности российской внешней политики десятилетней давности, мне довелось с Андреем Козыревым везти заявление в Совет Европы в мае 1992 года, мы подавали это заявление, стремились в Совет Европы, мне довелось быть вице-президентом парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, я был убежденным, твердым и последовательным сторонником вхождения России во все европейские структуры без исключения. Для меня пояс мира от Ванкувера до Владивостока не был пустым звуком. Я считал, что эту весьма символическую формулу надо насыщать реальным содержанием и говорил в беседах со многими и действующими фигурантами политической сцены, и с теми, кто отошел в тень, открыто по этому поводу, и если говорить о Соединенных штатах, я имел возможность беседовать с Элом Гором,

господином Кристофером, государственным секретарем, министром обороны Пэрри, руководителем палаты представителей Гингричем, разговаривал со многими другими действующими лицами европейской политики и, в частности, с двумя генеральными секретарями НАТО Вилли Клаасом и господином Хавьером Саланой, который сегодня ведает иностранными делами Европейского союза, и всегда говорил о том, что пояс мира от Ванкувера до Владивостока он, конечно, может быть только при одном условии, что Россия будет в этом поясе и что на этом поясе Россия пряжка, если пряжки на поясе не будет, штаны нашей политики все время придется ловить где-то в районе колен. Так говорил открыто, может быть, грубовато, и должен сказать, что когда мне пришлось по поручению президента Ельцина заняться концепцией национальной безопасности, которой у России не было по сути дела в течении 10 лет, она представляла собой некие разрозненные, фрагментарные отрывки, и сводить это все воедино, мы сошлись на том, что существуют 4 вида угроз, вызовов национальной безопасности, первое, глобальные столкновения, но это маловероятно, второе - региональные конфликты, с которыми мы сталкиваемся по всему миру, третье - терроризм, организованная преступность и четвертое - угроза правам и свободам человека, и беседуя часто на эти темы, может быть, не столь пафосно, как сейчас, проводя, по сути, инвентаризацию этих вызовов и возможных наших ответов, мы приходили к убеждению, в том числе с президентом России, что Россия должна быть в НАТО, но эта точка зрения была точкой зрения меньшинства в руководстве, ну разве что Юрий Батулин еще разделял и, может быть, в силу тех больших титанических подвижек, которые происходили в военной машине России, разделял и министр обороны, и один и другой волею судеб, когда западная группа войск вернулась в родные края, спев: "Прощай, Германия, прощай", когда северо-западная группа вернулась в родные края, когда ядерные языки вслед за этим тоже втягивались на территорию России, когда из Белоруссии буквально в конце 1996 года была вывезена последняя установка, стоял вопрос как жить дальше. И мы понимали, я здесь полностью согласен с Владимиром Барановским, что такое безысходное противостояние расширению НАТО на восток ни к чему хорошему не приведет. Хотя восклицали не только здесь, тот же мой друг Филипп Сиген, председатель Народного собрания Франции, говорил: "Ну если НАТО расширяется на восток столь стремительно, то против кого? Против Аляски, что ли?" Естественный вопрос. Но мы говорили о том, что надо искать формулы взаимодействия, и я говорил, что, наверное, надо поступить как Франция наоборот: Франция, уходя из военной организации, осталась в политической организации НАТО, почему бы России сначала не вступить в политическую организацию, быть в ней, возможность принимать решения очевидно, возможность влиять на ситуацию очевидно, а тем временем заниматься унификацией прежде всего средств связи и вправления войсками, затем заниматься собственно унификацией вооружения, в целом военной машины, и к этому подвигали размышления и мои, и многих моих коллег по руководству в стране, когда целые группы вооружения, оставшиеся у стран - бывших членов Варшавского договора, они имели весьма хорошее международное звучание, оценку, я имею в виду МИГи, истребители Сухова, и танки, и целые классы средств связи, и многое другое, амфибии наши, мы перечисляли, шли буквально построчно, можно было адаптировать, можно было начинать тогда, и наш оборонпром мог бы получить заказы, кстати, и получал заказы из той же Германии по поводу модернизации МИГов. Вот такой был разговор, предметный весьма. Мы

говорили о формуле 16 плюс 1, а почему 16 плюс 1? 17. Как сегодня говорят 19 плюс 1. Теперь уже двадцать вместе. Но идя такими мелкими шажками, можно будет потом говорить и 21 плюс 1 и 22 плюс 1, и 23, а это потеря темпов в политике, а потеря темпов в политике это потеря всего. Но могу сказать, что наша позиция, можно сказать, зондаж настроений на эту позицию не всегда вызывал рукоплескания на Западе, вот мои собеседники, которых я перечислил, первым делом меня спросили: "А как же нам быть со статьей пятой Вашингтонского договора? Это же зона ответственности. Как же так? Вдруг зона ответственности Североатлантического альянса неожиданно окажется на южных границах бывшего Советского Союза?". Я всегда говорил, я думаю, что эта точка зрения общеизвестна, что всякая инновация проходит три стадии: "этого не может быть, потому что не может быть никогда", потом "в этом что-то есть" - стадия вторая, и третья стадия "как мы без этого жили". Сейчас горькие трагические события 11 сентября прошлого года зону ответственности Соединенных Штатов как члена НАТО и всего НАТО как раз подвинули, всю эту зону ответственности и в район Центральной Азии, заставляет думать и о Ближнем Востоке и о Дальнем Востоке тоже. Так что ситуация была непростая. Мне кажется, что поспешность была и в расширении НАТО, и у нас вечные вчерашние давали открытый бой и не только на улице Виктор Ампилов, там еще кто-то, но и в руководстве страны, я вот помню заседание Совета по внешней политике, тогда, по сути дела, примерно у той точки зрения, которую я сейчас высказываю, в союзниках оказался, и то молчаливым союзником Юрий Батурин и президент Ельцин, но не дал, наверное, если бы были палки под рукой, забить эту точку зрения буквально палками. Всякое бывало. Но, кстати говоря, военная часть совета была молчаливо симпатизирующей. Сейчас явно видно, что России не решить многие проблемы безопасности своих границ без крепкого, надежного, не лукавого, не лицемерного союза с Соединенными Штатами Америки и НАТО. Это не только ситуация по Центральной Азии и по движению Талибан, хотя мы по движению Талибан с Вилли Вимором, тоже вице-президентом парламентской ассамблеи ОБСЕ, этот вопрос стремились поставить на повестку дня в 1996 году. Там события происходили стремительно, с нашей точки зрения. И он даже был более горячим сторонником постановки на повестку дня обсуждение ситуации вокруг движения Талибан и возможных угроз не только Центральной Азии, но и Европе. Это было, это в протоколах есть. Не потому, что мы были провидцы, а потому что мы остро ощущали ситуацию, за которую отвечали. Конечно, не решить проблему Калининграда России, с моей точки зрения, без тесных союзнических отношений с Соединенными Штатами и НАТО, когда я услышал вчера, что выступили Литва и Польша устами своих премьеров по поводу того, что они против коридора, того коридора, который предлагают ныне действующие политики России и МИД в частности. Я подумал: "А как они вообще должны думать по-другому?". Не очень много лет прошло по меркам историческим после того, как был Данциг - свободный город, и данцигский коридор, и через данцигский коридор, Польша помнит очень хорошо, как были стремительно введены войска. Ну, во-первых, коридор это всегда усеченность суверенитета, это все должны прекрасно понимать, и надо всегда ставить себя на позиции тех, кому ты оппонируешь, чтобы понять глубину того противоречия, которое неустранимо. И то, что возникло, когда доклад делал Роман Проди, я думаю, вполне естественно, и ответ вполне естественен: надо не отбойно, не пафосно, не горячечно искать аргументы, а продумывать это все. Поэтому проблема тяжелая, конечно, непростая,

но она может быть решена в рамках тесных союзнических отношений России с НАТО и Соединенными Штатами, по-другому ничего не получится, более того, скажу, что занимаясь целый ряд лет проблемами Чечни я убедился в том, что не только надо решать эту проблему с привлечением и с учетом интересов закавказских республик, стран, независимых ныне, ряда государств Ближнего Востока и, конечно же опять, тех государств, о которых я только что говорил. По-другому ничего не получится. Поэтому когда раздались какие-то вопли по поводу того, что приехали американские структуры готовить антитеррористические подразделения грузинской армии, ну знаете, просто слов не хватает, чтобы такую позицию охарактеризовать. Сами обвиняем кого-то в двойных стандартах, а здесь пытаемся с позиции двойных стандартов оценивать ситуацию. Я думаю, что верно было сформулировано президентом, когда он сказал: "Ну что в Центральной и Средней Азии на границах с Афганистаном можно, а почему в Закавказье-то нельзя взаимодействовать с Соединенными Штатами?". Нужно и должно. Тем более, я знаю точку зрения Эдуарда Шеварнадзе на тему Кадорского ущелья, когда он прямо просил поддержки и помощи, и просил помощи у наших пограничников, чтобы они могли закрыть даже с территории Грузии эти проблемы, не дать разрастаться опухоль, чтобы метастазы терроризма не ползли дальше, хотя и там явления надо разделять. Есть люди, которые твердо убеждены, что они никакие не террористы, никакие не бандиты, а часть из них исповедует позицию сепаратизма, отделения от России, это тоже точка зрения, которая имеет право быть. Она есть и в других странах, эта болячка, начни перечислять - у всех найдешь. Скелет в шкафу, как говорят наши друзья британцы. Вот такие размышления у меня рождаются в связи с тем, что сейчас происходит. Конечно, формула двадцатки хорошая, конечно, для борьбы с терроризмом она годится, но мне кажется, что нельзя сейчас оставаться в эйфории достигнутого, оставляя на потом решение совершенно очевидных вопросов. Тем более ситуация будет подпирать, Калининград, в связи со вступлением прибалтийских государств в НАТО, окажется анклавом, паромное плус авиационное сообщение и все, группировка войск наших в Калининграде, серьезная, солидная, большая, соразмерно ли, адекватно ли тому, что сегодня? Я ставлю вопрос, у меня нет ответа. Может и есть, но в черновом варианте. Мне думается, что эти вопросы надо решать не откладывая в долгий ящик, и думаю, что пояс мира от Ванкувера до Владивостока совершенно очевиден. Он необходим. Угрозы, вызовы этому поясу безопасности идут большей частью с юга, не мы их выдумали, сама жизнь поставила в повестку дня эти совершенно очевидные угрозы. Я это говорил раньше, осмелюсь повторить и сейчас. Это очень важный для России вопрос. А азиаты мы, скифы, как говорил великий поэт... Я хочу спросить, самый восточный город Владивосток, он какой город - азиатский или европейский? Я думаю, что любой здесь сидящий скажет: "Конечно же, в первую очередь европейский". И я думаю что формулы, которые, может быть, носили налет риска, когда я командующему военно-морской группировкой Соединенных Штатов в Перл Харбор, встречаясь именно там с ним, сказал: "Не друг за другом надо следить, пуская субмарины в режиме дежурства и отслеживания американцами россиян и россиянами американцев, а может быть по очереди дежурить на просторах Тихого океана?".

Lubomir Ivanov, Chairman, Bulgarian Atlantic Club, adviser of the minister of foreign affairs of Bulgaria.

Andrei Kortunov, Open Society Institute, Soros Foundation and President, Public Science Foundation, Moscow.

Мне не хотелось бы создавать впечатление, что я являюсь противником вступления России в НАТО и в Европейский Союз, но мне очень бы хотелось внести в нашу дискуссию некоторые новые измерения. И поэтому я позволю себе говорить не столько о том, почему Россия должна стремиться в Европу и в евроатлантическое сообщество, мне кажется, что за этим столом нет людей или почти нет людей, которых надо бы было в этом убеждать, я, скорее, хочу остановиться на тех проблемах, которые, мне кажется, всех нас ждут в самом ближайшем будущем в связи с развитием этих институтов и в связи с развитием международной системы в целом. Если представить себе традиционную систему международных отношений в виде большого черно-белого графического панно, где все четко и понятно, где черный и белый цвет не смешиваются, то сейчас мы вступаем в период, который может быть уподоблен картине импрессиониста, когда краски смешиваются, когда царствуют полутона, когда нет четких границ, когда теряется перспектива. Это любопытная картина, но она совсем другая чем то, с чем мы привыкли считаться. И в этом плане роль международных институтов меняется и меняется с ускорением, и если развитие событий пойдет по неблагоприятному пути не для России, а для мирового порядка в целом, то может так случиться, что мы вступим в НАТО и даже Европейский Союз как раз в тот момент, когда эти организации утратят какое-либо влияние на мировые процессы. Посмотрим, что происходит с НАТО в последние годы. Вроде бы все нормально, НАТО расширяется, принимаются новые члены, принимаются политические декларации, количество чиновников в Брюсселе растет, организация свидетельствует о том, что у нее есть энергия и жизненная сила. Однако если посмотреть на роль НАТО в урегулировании последних кризисов, кризисов последнего десятилетия, мы увидим, что эта роль снижалась, она снижалась от войны в Персидском заливе к Югославии, от Югославии к Афганистану, и в Афганистане НАТО, собственно говоря, не было таким уж заметным; Соединенные Штаты сейчас откровенно говорят о том, что они делают ставку именно на *ad hoc coalitions*. Посмотрите на ту легкость, с которой в НАТО сейчас приглашаются новые члены. Почему сейчас явно снижаются стандарты по боеготовности? Почему все разговоры о том, как много придется вкладывать денег в модернизацию армии центральноевропейских стран, поутихли? Да потому что в НАТО уже существует фактически двухуровневое членство, а дальше оно, очевидно, будет трехуровневым, и чем дальше, тем меньше реальных возможностей у НАТО будет влиять на международную ситуацию. Опасная перспектива. Сейчас явно теряет свои позиции Организация Объединенных Наций, все больше решений принимается в обход ООН, в том числе и Совета Безопасности. Если то же самое произойдет с НАТО, то возникает вопрос, на чем, собственно, основан мировой порядок. Мне кажется, что это опасная тенденция и на нее надо обратить внимание. Чем будет НАТО через 20-30 лет? Будет ли она неким клубом демократий, будет ли она системой коллективной безопасности или она будет оставаться оборонительным союзом? Большой вопрос, вопрос не ясный, я думаю, и для стран, являющихся членами этого союза. Не хочу сказать, что не надо стремиться в НАТО, мне кажется, это важно для нас, хотя бы потому, что стремление в НАТО, сотрудничество с НАТО это важный катализатор нашей оборонной реформы, и уже поэтому, безусловно, надо поддерживать такое

стремление. Если нам удастся использовать продвижение к НАТО в целях реальной военной реформы в России, это будет большим достижением, но не надо думать, что НАТО останется неизменным и к тому моменту, когда Россия может стать членом этой организации, ее функции останутся неизменными. Мне кажется, это очень важно. То же самое относится к Европейскому Союзу. Опять таки, Европейский Союз расширяется и будет расширяться с ускорением, но не приведет ли это расширение к некому выхолащиванию принципов европейской интеграции? Фактически уже сейчас происходят важные изменения в том, как будет строиться аграрная политика Евросоюза в будущие годы, уже сейчас начинают постепенно, пусть медленно, снижаться требования к тем странам, которые готовы вступить в Евросоюз. Раньше мы говорили о конфликте между углублением и расширением, сейчас фактически Евросоюз согласился с тем, что это углубление будет идти крайне неравномерно. Внутри Союза формируются серьезные нити напряжения между севером Европы и югом Европы, между западом и востоком, борьба за субсидии. Насколько Евросоюз может оставаться той интеграционной группировкой, которой мы привыкли его видеть, если количество членов увеличится еще на 5, на 10? Тоже большой вопрос. Если говорить о России, то, мне кажется, возникает более принципиальный вопрос: есть ли в Европе политическая воля к тому, чтобы интегрировать Россию в Евросоюз? Это довольно дорогое мероприятие, а мы видим, что Европа сейчас управляется весьма хрупкими политическими коалициями, и любое крупное решение, особенно связанное с дополнительными налогами, с дополнительными сложностями, тут же вызывает реакцию. Наверное все-таки стоит вспомнить о том, как быстро, неожиданно быстро для многих из нас, растет влияние правых партий в Европе, причем не только в странах, где это влияние традиционно было особенно сильным, на даже в Великобритании, Голландии, где правые радикалы никогда существенной роли не играли. Будет ли у Европы политическая воля интегрировать Россию, даже если со стороны России будут к этому импульсы? Мне кажется, ответ на этот вопрос не вполне однозначен. И последнее, если говорить о Европе. Мы должны подумать о том, а какое вообще место будет занимать Европа в мировой экономике, скажем, через 30-40 лет в середине текущего столетия. Мы видим, что технологические Европа сильно отстает от Северной Америки и продолжает отставать. То, что называется digital gap между Европой и США не сокращается, по всей видимости, даже расширяется. Социальные издержки на рабочую силу в Европе колоссальные по сравнению и с Северной Америкой, и с Восточной Азией. Европа стоит на пороге очень существенной перестройки своей экономики, но не решается ступить за этот порог. Мы видим фактически фиксацию нынешних, не всегда эффективных и не всегда перспективных экономических структур. Вот если это отставание Европы от Соединенных Штатов и Восточной Азии сохранится, то возникает вопрос, а много ли выиграет Россия, стремясь к интеграции с этой частью глобальной экономики. Опять-таки, не хочу быть пессимистом, но эти тревожные тенденции как минимум должны быть обсуждены и актуализированы, к сожалению, даже в Европе об этом не часто говорят. Опять же я хочу подчеркнуть, что я не предлагаю отгородиться от Европы. Я считаю, что стремление к более тесному сотрудничеству с Евросоюзом важно уже потому, что это катализатор очень существенных изменений в российской экономике, в российской общественно-политической жизни, но, наверное, нам стоит подумать может быть немножко больше о тех конкретных, пусть и менее эффектных шагах, которые

могли бы приблизить нас к Европе, не ставя глобально вопросы о вступлении в европейские институты. Это и вопросы виз, и экономических, правовых стандартов, это вопросы экологии, вопросы российской диаспоры европейских странах и статус российской диаспоры, это вопросы трансграничного сотрудничества. Мы очень многое можем сделать даже не ставя принципиально вопрос о вступлении России в НАТО и Евросоюз. Я думаю, что вот эти мелкие шаги помогут формировать Европу режимов, не Европу институтов, а Европу режимов, которая будет более гибкой, менее обязывающей, более мобильно откликающейся на внешние раздражения, чем Европа институтов, которая все-таки уже сегодня крайне инерционна, крайне бюрократична и крайне консервативна. Вот с Европой институтов нам работать будет трудно, хотя, наверное, необходимо.

Questions:

Троицкий Михаил, научно-образовательный форум по международным отношениям, Институт США и Канады Российской Академии Наук.
Мне бы хотелось услышать мнение уважаемых выступавших на нашем заседании по следующему вопросу: как вы думаете, если считать, что слова президента Путина о том, что Россия уже сейчас вступила в евроатлантическое сообщество посредством либо интеграции в какие-то формальные институты, либо просто посредством выражения взаимной политической воли, произнесенные им в Риме недавно, соответствуют действительности, то кто будет следующим кандидатом на интеграцию в евроатлантическое сообщество? Такой вопрос может показаться несколько преждевременным, но, тем не менее, мне кажется важным его обсудить с тем, чтобы еще лучше понять смысл расширения евроатлантического сообщества и, собственно, тот смысл, который Россия вкладывает во вступление в него, и тот смысл, которое североатлантическое сообщество придает интеграции в него самой России. Скажем, прямолинейно можно предположить, что следующим кандидатом может стать Центральная Азия, в связи с тем, что она играет определенную роль в сдерживании фундаментализма и, возможно, фундаменталистского терроризма, однако, возможно через некоторое время, угроза, исходящая из Афганистана, из близлежащих регионов Центральной Азии будет устранена, антитеррористическая операция закончится, а, скажем, сама природа центральноазиатских режимов, мне кажется, вряд ли дает право назвать их в достаточной мере соответствующими критериям евроатлантического сообщества по признаку демократичности. Как бы мы не относились к сегодняшнему режиму в России, все-таки в Центральной Азии это нечто другое. Это в качестве примера возможного кандидата. Можно ли серьезно относиться к такому кандидату или, возможно, существуют какие-либо другие?

Нико Папеску, интернет-проект "Европейская интеграция".

Вопрос к господину Рыбкину. Так как эта точка зрения достаточно часто звучит, именно о том, что в той или иной мере немало людей говорят о возможной интеграции России в НАТО, и в то же самое время те же самые персоны высказывают мнение о том, что расширение НАТО на восток не такой уж эффективный процесс, в частности, говоря о восточноевропейских государствах. Как тогда географически можно представить вступление России в эти структуры,

когда Россия в то же самое время против вступления некоторых восточноевропейских государств в НАТО.

Петр Казначеев, Московский Государственный Университет.

У меня очень короткий комментарий, я просто хотел напомнить всем здесь присутствующим в связи со вступлением Ивана Петровича Рыбкина, что, и это не преувеличение, и я прекрасно помню тот период, когда Иван Петрович делал такие заявления, я считаю, что такие люди, как Иван Петрович Рыбкин это, собственно, герои интеграции России в евроатлантическое сообщество, потому что вся проблема этой интеграции заключается в том, что мы говорим до сих пор на разных языках. И такие люди, как Иван Петрович, - наши языки, которые помогали нам переводить с одного языка на другой, переводить, собственно, нашим элитам, элитам Запада и элитам России. И эта работа должна быть продолжена, и сегодня во многом эту работу продолжает Путин. Именно он переводит с одного языка на другой, именно он трансформирует одну языковую систему в другую и делает это достаточно мастерски, имея, конечно, набор соответствующих полномочий и власть. Но я хотел бы подчеркнуть то, что необходимо, чтобы это происходило не только со стороны президента, и если такие люди, такие активисты будут появляться в будущем, я думаю, что опыт Ивана Петровича неоценим именно в деле такой постоянной переключки двух языков этих бюрократий, и это необходимо как ключевой момент решения всех этих вопросов, связанных и со стратегией, и с экономикой, и с политической интеграцией.

Сабуров Кирилл, МГИМО.

У меня вопрос к господину Иванову. Вы говорили о возможности расширения НАТО для придания ей более легитимного характера, однако, как показывает история, у нас нет организации, в которой было бы много членов и которая бы эффективно работала. Сегодня господин Марков уже высказал идею о том, что, возможно, в НАТО уже слишком много членов и надо сделать какую-то группу из семи-восьми основных государств. Как вы прокомментируете позицию господина Маркова, и действительно ли сможет НАТО после своего расширения эффективно работать?

Andrei Kortunov:

Вы знаете, вопрос, кто может стать членом НАТО, повторяю, будет зависеть от того, насколько жесткими будут требования к новым членам. Если эти требования будут и дальше облегчаться, то членами НАТО смогут стать любые, даже неконсолидированные демократии, которые разделяют принципы НАТО, которые берут на себя некие символические обязательства, и НАТО в этом случае окончательно превратиться в неформальный клуб западных демократий. Не обязательно это плохой вариант, с этим тоже можно жить, такой клуб, по всей видимости, нужен, но это будет не инструмент для обеспечения международной безопасности, международная безопасность в таком случае, наверное, будет обеспечиваться другими институтами или коалициями, создающимися от случая к случаю. Если говорить о расширении Евросоюза, то, мне кажется, процесс этот будет гораздо более болезненным, и Евросоюз будет либо вынужден несколько замедлить темпы своего расширения, либо поплатиться за это расширение приостановкой процесса углубления и дальнейшей интеграции. Если посмотреть

на эти отчаянные и, к сожалению, достаточно безнадежные, по крайней мере, сейчас, усилия Турции вступить в Евросоюз, то, наверное, станет ясно, как можно прогнозировать попытки вступления в Евросоюз, скажем, Украины или Казахстана. О России я в данном случае уже не говорю. То есть в политике ничего не дается даром, и всегда приходится чем-то за что-то платить. За чрезмерное расширение приходится платить снижением стандартов, снижением эффективности, за сохранение организации в ограниченных пределах приходится платить легитимностью. Но, с моей точки зрения, проблема все-таки глубже, проблема не только ЕС и НАТО, проблема вообще международных институтов. Сейчас вектор международного развития мировой политики идет в сторону от институтов, которые создается всерьез и надолго, может быть потому, что проблемы возникают неожиданно, может быть потому, что никто не хочет инвестировать серьезно в развитие международных структур, предпочитают делать спекуляцию на проблемах международной безопасности, но если эта тенденция сохранится, она заставит нас принимать совершенно новые и весьма нетрадиционные решения.

Ivan Rybkin:

Я сразу отвечу на реплику, что как может одна персона говорить в пользу вступления России в НАТО и в то же время быть против расширения НАТО на восток, против вступления в нее других новых членов. С моей точки зрения этого не было. Я своим коллегам из Прибалтики подарил две книги шестилетней давности, где говорится, что это право выбора суверенных государств. Другое дело, что Россия должна думать о своей безопасности и искать свой вариант поведения в данной конкретной ситуации. Я видел, что этот вариант поведения должен предусматривать вступление России в НАТО. Это реальность, которую нужно осознать и понять, и тогда вести собственную внешнюю политику, гордую, независимую, равную среди равных, будет проще. Когда ты уважаешь своих соседей, они ровно настолько будут уважать тебя. Надо из этого исходить. Наши имперские замашки надо отбрасывать. Михаил Сергеевич Горбачев позволил себе такое, за что, по сути дела, обрел много оппонентов. Он достойно ведет свою линию, и даже в этих непростых условиях, мы помогаем ему насколько можем. Второе, что касается того, кто будет следующим. Мне хотелось бы, чтобы это были Украина и Россия вместе. Это был бы самый лучший вариант. В противном случае будут возникать перенапряжения, а они ни к чему совсем. По поводу снижения стандартов при вступлении новых членов и в НАТО и в Европейский Союз, я думаю, что верно говорит Андрей Кортунов, что стандарты всегда снижаются, когда происходит стремительное расширение, но не хотелось бы, мы должны смотреть на мир открытыми глазами и в своей стране и в странах рядом. Вот то, что я говорил, и то, что мы записали в концепцию национальной безопасности, угроза правам и свободам человека, вообще-то говоря, не думали, что что-то будет так стремительно возвращаться в этом плане. Эти ростки гражданского общества, гражданского общества, которое переживает мучительное структурирование не только в России, но и на всем постсоветском пространстве с разными скоростями, эти ростки подвергаются атаке, об это надо говорить прямо, а без структурированного гражданского общества, волей одного только человека, в России построить ничего невозможно. Мы это проходили. Царь имел в руках все, генеральный секретарь - больше царя, а в итоге чем кончилось? Ответ известен.

Поэтому недопонимание здесь, с моей точки зрения, есть и серьезное, особенно это касается средств массовой информации, потому что это, по сути, единственная форма гражданского контроля за всеми и вся, в том числе за военными структурами и спецслужбами. А здесь мы сейчас этот контроль общества в какой-то степени утрачиваем, это опасно для судеб реформ в России. Точно так и в Центральной Азии, и в других местах, не буду перечислять. Опасно ли для Путина, что он так стремительно вырывается вперед? Мне недавно в Александр-хаусе пришлось участвовать в дискуссии, которую вел Сергей Марков. Там были достаточно известные политологи, социологи, политтехнологи. Там от многих звучала речь о том, что президент отрывается от политической элиты. Но я-то считал и считаю, что президент, если он будет так оглядываться на этих вечных вчерашних, хотя они сейчас часто приходят на ключевые посты и в промышленных разных структурах и в организациях промышленников, то может рисковать ходьбой спиной вперед, а так идя недолго и споткнуться и голову разбить. Мне кажется, что президент поступает верно, и абсолютное большинство людей интуитивно, может быть для себя не формулируя, я имею в виду наш народ, поддерживает президента. И вот здесь мы подходим к очень важному вопросу: к реформированию всей структуры, управляющей внешними делами страны. Можно как угодно говорить об Андрее Козыреве и о его предшественниках, но они заложили новые начала в управлении внешней политикой страны, а потом произошел досадный, совершенно очевидный для многих откат, который признать не хотим, но этим инструментарием вершить новые дела в Европе и мире невозможно.

Vladimir Baranovsky:

Самое общее мое замечание состоит в том, что мне кажется важным видеть то, что проблемы, которыми мы занимаемся, которые мы обсуждаем, могут иметь разную весомость, разную значимость для будущего международной системы. Мне кажется, важно интеллектуально, не всегда удастся политически это делать, важно дифференцировать крупные и мелкие проблемы. Проблема расширения НАТО, на мой взгляд, это мелкая проблема, проблема взаимоотношения России с НАТО это тоже не очень крупная проблема, проблема, которую, конечно, надо решать, которая потребует усилий, и решать которую можно по-разному, но на фоне тех очень больших проблем, с которыми будет сталкиваться международная система, и о которых очень убедительно говорил Андрей Кortunov, это все не очень большие проблемы. Вот если историк будущего, который будет писать о настоящем периоде времени, где-нибудь в 2050 году, если он как бы телескоп направит на события сегодняшнего дня, эти проблемы, все эти страсти, которые у нас возникали по поводу расширения НАТО и прочего, они будут казаться очень мелкими. А вот действительно крупная проблема, которая возникает, это проблема управления международной системой, проблема, связанная с поиском каких-то адекватных механизмов, способов, институтов, подходов для того, чтобы реагировать на глобальные проблемы, натовская проблема, как она сейчас обсуждается, на эти вызовы не отвечает. Мне кажется, что и для НАТО и для Европейского Союза очень важно иметь в виду именно вот это измерение. На мой взгляд, проблемы, которые здесь упоминались - проблемы управляемости этих систем, которые связаны с увеличением числа членов, вообще надо иметь в виду, что и НАТО и Евросоюз вступают в полосу больших неопределенностей, в частности потому, что

количество будет переходить в качество. С тем же Европейским Союзом, повестка дня была ясна, когда создавалось европейское сообщество в 60е, 70е годы было ясно, в 80е было ясно, что делать, а сейчас, с предстоящим расширением до 28-30 стран возникают очень большие неясности по поводу повестки дня этой организации. То же самое с НАТО. В той мере, в какой эти организации смогут обратить свое внимание, свою энергию, свой политический потенциал на решение этих глобальных проблем, в той мере, в какой они смогут заниматься не европейскими проблемами, не атлантическими проблемами, а проблемами глобальными, в той мере они смогут стать какими-то важными факторами управления будущей системой международных отношений. Короткий комментарий по поводу вопроса, который возник в связи с тем, что Путин отрывается от политической элиты. Я думаю, что это проблема, и мы знаем, что в наших условиях такой разрыв может давать не очень приятные результаты, ведь Козырев был съеден той частью политической элиты, которую раздражало то, что делал Козырев. Я говорю об этом имея в виду, что политическая линия Козырева так, как он ее осуществлял, могла бы быть предметом серьезного критического разбора, может быть она была немножко наивная, прямолинейная, и в этом смысле уязвима для критики, но просто это модельная ситуация, когда целый ряд людей, которые по разным причинам были недовольны тем, что делал Козырев просто организовали так, чтобы они исчез с политической арены.

(Шамиль)

GENERAL CONFERENCE.

-**Ira Straus**: ...and now over here...and now we take a question over here...And then here..yes..

- **Кирилл Сабуров**, студент МГИМО: А-а..вы знаете вот у меня вопрос к господину Богатурову. А-а..он очертил круг тех проблем, которыми нам надо заняться. Я так понял, что, не решив этих проблем, нам, в принципе, в этом мире больше делать нечего. Вы знаете, вот, на самом деле, а-а ..я после этой конференции понял, что мы впервые за какое-то количество лет, за десять лет, мы поняли, что нам надо заниматься какими-то проблемами. Нам надо решать. Если десять лет мы сидели и ждали, кто же за нас решит проблему Балтики, южных границ, то теперь мы поняли, что мы сами это должны решить. И у меня вопрос вот какой: Стоит ли нам интегрироваться в НАТО и решить эти проблемы, хоть как-нибудь их решить и все-таки войти в НАТО или же нам стоит продолжать сидеть на своем месте?...Спасибо.

-**Ira Strauss**: OK...and..

- **(Unknown speaker)** : Я хочу задать вопрос Богатурову и г-ну Фурману. Как вы считаете, удельный вес, вот, этноконфессиональных проблем, которые вы вскользь упомянули, будет увеличиваться или уменьшаться при интеграции России с НАТО?
- **Фурман** : Вы не могли бы, вот, яснее немножко. Мне трудно просто понять, что конфликт....каких проблем? Что имеется ввиду?
- **(Unknown speaker)** : Вот вы сказали, что НАТО становится белым христианским , но...Ну..как вот..
- **Фурман** : Нет, что оно объединяет в конечном счете весь христианский мир.
- **(Unknown speaker)** : Христианский- да. Но сейчас в Европе очень сильна мусульманская прослойка. В России двадцать

миллионов мусульман. А-а..это первый аспект. Второй- как вы правильно сказали, идет нивелировка некоторых этнических, скажем, особенностей под влиянием интеграционных процессов. Это вызывает конфликты. Вот как вы считаете: эти конфликты будут быстро стираться ..ну как бы находиться консенсус, либо все-таки по-другому?

- **Фурман :** Вы знаете мне кажется так: что вот есть модель, которая очень полезна для рассмотрения таких, вот этих процессов в Европе и там..Это модель Соединенных Штатов, где м-м-м....Вот можно сказать, что уменьшается или увеличивается в США роль таких конфликтов?
- **(Unknown speaker) :** Увеличивается.
- **Фурман :** Нет. Вот сказать так нельзя. Потому что определенные конфликты отмирают, забываются, но возникают новые. То есть когда-то в Соединенных Штатах были католические погромы, сжигались католические монастыри. Вот об этом забыли все давно и прочно. Но в то время, когда сжигались католические монастыри , мусульман в Штатах вообще не было..просто. И конфликта такого быть не могло. Значит вот идет процесс подключения каких-то групп к, ну, общей системе ценностей, к общим правилам общежития, к американскому обществу. Но этот процесс идет постепенно. Возникают новые группы. И есть группы, которые подключаются легко и которые подключаются с большим трудом. Я думаю, что приблизительно то же самое будет происходить и в Европе. Интенсивность... Ну в конце концов была страшная ненависть между французами и немцами, немцами и поляками. Вот этих на уровне...вот конфликтов такого типа, вот ненависти такого типа уже нет. Но отношения...зато появилось там масса турецких или там алжирских иммигрантов, подключение которых к европейской, ну вот к современной жизни...но...но...Поэтому вот однозначно сказать нельзя. Одни конфликты отмирают, уходят в прошлое, и возникают новые. Это по мере глобализации, по мере все более и более ...нового и нового столкновения с новыми группами, которые раньше просто не присутствовали, возникают новые конфликты и постепенно они же и уходят.
- **Богатуров:** Я с последнего вопроса тогда начну. Значит.. Я вообще, может быть, нюансы другие, но в принципе я, честно

говоря, думаю, что не лучше, не хуже. Это все идет естественным путем. Мне кажется, что мы просто как-то привыкли к словам, что Россия многонациональная страна...вроде как потому, что титульных много...значит наций, народностей и так далее. И мы как-то меньше говорим, что там многонациональная страна Германия или там Франция ...потому, что у них этих титульных как бы меньше. А на самом деле, если посмотреть, как оно есть на деле, то Париж- наполовину черный город. В Вене немецкую речь слышишь ..ну не более часто, чем там украинскую, русскую. А сколько турок в ней. Это процесс идет там очень интенсивно и Россия как говорится никакого отношения к нему не имела и участие или неучастие России в Европейских структурах ..оно мне кажется в этом смысле, нарастание конфликтности, оно по-моему ничего не даст. Потому, что смешение, приход в Европу неевропейских этносов- это длинный и всемирный тренд. И это-то связано с совершенно другими причинами, об этом тоже много написано и говорится. Более того, тут как раз смешная может получиться вещь. Вот позвольте такую иллюстрацию просто. Вот трехнедельной давности разговор, естественно по-английски, естественно в нейтральной стране с латышскими товарищами. Значит, латышские товарищи говорят, как они хотят в Европу. А значит сидит мрачный датчанин и говорит: «Да, да, да». А глядит на них и говорит: «У нас очень много стало турок». Я, значит, тихо заливаюсь смехом и говорю: «Да. Как только вы, господа латыши, примете вот эти стандарты европейские и у вас будет много турок». И тут же добавляю: «Вот тогда вы поймете, что русские- это, может быть, не самое плохое значит как бы иноменьшинство в вашей стране». На что они тут же сказали: «Слушай. Давай поговорим по-русски». И дальше говорит: «Мы вообще-то не считаем, что русские плохие. Просто вот это вот правительство такое». Да, то есть вот как бы присутствие облегчения притока вот как бы этнических русских ..да..в Европу оно может наоборот как бы разбавить, растянуть во времени и смягчить форму протекания вот этих вот процессов смешения и взаимной адаптации.

Теперь к первым двум вопросам коллег. Значит, какая доля России удовлетворительна для нее? Ну как бы я думаю, может быть, вы как-то так не совсем точно спросили то, что хотели. Я не представляю, как это можно в процентах измерить там долю участия. Но ясно, что есть некие характеристики, которые без цифр можно там выдать ..да. Ясно, что Россия хочет: а) Участвовать во всех основных регулирующих механизмах б) Участвовать с правом

решающего голоса. Она уже сейчас не претендует на то, чтобы практика сорок пятого года повторилась и нее было исключительное право...да, право вето. Но право решающего голоса, конечно,- это то, чего она хочет, потому что совещательные голоса она всякий раз рассматривает либо как временное состояние, либо просто как бы считает, что это неудовлетворительное условие.

Второй вопрос...вот я подумал, слушая его, что никогда ведь не знаешь, вылетело слово и все: оно живет дальше своей жизнью. Потому что все, что я говорил двадцать минут было про то, как России надо присоединяться к западным структурам, а вовсе не про то, как ей не надо. Вот. Я понимаю, что меня могли понять как-то по-другому. Я просто хотел сказать, что вот как бы прекраснодушных рассуждений о том, как будет здорово, когда будем все вместе и все будет замечательно демократично регулироваться стоит все-таки нам и вам как аналитикам профессиональным видеть как бы за этим вот то, о чем вся наша профессия: боль и кровь, конфликт, противоречия- вот и все. Вот на этом пути я вполне практично пытаюсь ему содействовать, сближению России с Западом. Я вижу множество проблем. И если мы их не будем ясно, вот, ставить им диагноз, обозначать, где они находятся, что нужно...мы никогда не поймем, как их преодолевать. Понимаете делать-то надо, но ведь не просто делать, чтобы что-то делать... да там просто слова говорить, а еще понимать, как лучше сделать, чтобы шею не сломать, не свалить кабинет в соседней стране, не создавать проблем своему правительству, если оно проводит правильную линию. Или наоборот: не сделать вид, что оно действует правильно, если оно точно ошибается. Все, спасибо.

-Ira Strauss: No, sorry.

-Sergey Anikeev : Just a brief question.

-Ira Strauss: Very brief.

- **Sergey Anikeev :** Yes, very brief. Уважаемые господа, следующий вопрос. Вы озвучили идею приближающегося глобального...понятия глобальной полиции. Как вы считаете эта структура может работать и осуществлять свои, значит, функции. В каком смысле:

- **Ira Strauss:** не понимаю..

- **Sergey Anikeev** : ...будет ли оперироваться к феномену культура. Например, культура русского сотрудника правоохранительных органов диаметрально отличается от культуры полицейского Соединенных Штатов Америки. Там хоть права зачитывают, когда арестовывают кого-то. И во-вторых, как вы видите это будет что...последний вопрос да..это будет что наподобие регуляции порядка на... в Боснии и Герцоговине путем милитаризованного контроля ..ну будем называть силами KFOR как сегодня да, или же это будет некая другая структура институционального воспитания сотрудников правоохранительных органов этой будущей предполагаемой системы глобальной полиции.

- **Ira Strauss**: Спасибо. I think this question is for doctor Furman.

- **Фурман**: Ну, я бы мог очень просто ответить одним словом: Не знаю. Но могу это немножко расшифровать. Во-первых, это уже есть. То есть полицейские акции такого глобального масштаба они уже происходят. И Косово, и Югославия, и Афганистан- это вот такие акции. Они происходят и на другом, так сказать, на индивидуальном уровне, на уровне Интерпола, на уровне того, что Пиночета оказывается можно арестовать в Англии, а Бородина в Швейцарии. Вот ..вот это вот идет. Поэтому тут есть просто определенный процесс, который надо изучать, как он идет. А второе- то, что говорить о желательных ...вот вы...второе как он должен идти да..как он... И в действительности здесь возникает естественная опасность, как опасность от любой полиции. которая..как бы полиция- это люди, люди всегда с предрассудками и американский белый полицейский, это вполне возможно, это нормально, относится к черному иначе, чем к белому. И вот это очень плохо. С этим надо бороться, это надо изживать. И вот какие-то вещи такого рода неизбежны. Мы слышим об этом, даже сейчас, даже вот в ходе теперешних дискуссий уже звучали вот какие-то, я щас не буду говорить у кого, но звучали такие фразы типа того, что вот: Ну, мусульмане, им вроде так Бог велел быть такими агрессивными, так уж полагается. Вот это такие предрассудки, которые обязательно будут как-то проявляться. Эта опасность неизбежна.

- **Ira Strauss**: I want to thank all of the participants here for this wonderful conference and for what they have done to make it a success. And it is remarkable how the various trends of this

conference came together in a final session. And the remarks of Stroub Talbott by video-conference yesterday -- about how after Russia joins NATO he thinks Japan will be next -- were reflected from the podium today by someone who did not have the chance to be there last night. We have seen in this conference that there is a moving-----atlanticism but new atlanticism in the eastern Europe and Russia, most spectacularly in the atlantic club of Bulgaria which has done the work of thinking for the rest of us. And a Russian new atlanticism spectacularly represented here at the podium in the young figure of Dmitry Furman. And for us, the older generation of atlanticists it is very very -----to see this in front of us. An atlanticism that responds to the challenges of the world ----- measures up to the challenges. This is impressive. This is needed. I can not give the thanks to everyone that we need to thank. I do want to thank also someone who has shown us that this new atlanticism is global, Carlos Escude from Argentina. To whom we owe gratitude for many things that he has done in his own country. But also he is a teacher for all of us. And he shows that the ...that this atlanticism is understood wide outside of what is sometimes called the white world. But above all, thanks to the Association to Unite the Democracies and it's Euroatlantic Institute of International Integration Studies and D-r Tiziana Stella who has done the vast vast bulk of the work in this conference along with her students. And thanks, I suppose, to Clarence Straight for his work in bringing this idea to -----sixty years ago and for gathering supporters into an organisation. Those members and supporters. Some of them --- ---- to help create NATO in the OECD, OESR. Others of them ----- - built the organisation, spread the ideas, maintained it , sustained it with there own hard-won money. Most of them just ordinary Americans, joining organisations as we do and keeping this idea developing as was needed in the world. And it is not a big powerful intergovernmental organization with a lots of money like NATO. But with it's very limited funds it-----a need to found a Euroatlantic Institute of International Integration Studies in order to spread these ideas, get them into circulation and get them into discussion and intellectual development on academic thinking level for a new era. And this Institute in the person of Tiziana Stella have the vision to see that we need here in Moscow to create the opportunity for Russians to express their potentialities in the field of atlanticism, to develop the new atlanticism that -----must develop in order to make their mark in the future of atlanticism. And not simply leave that to be developed without them and in some respects inherently they are for not to their advantage. I am extraordinarily impressed by how well we have seen

from Russians that they have and are developing such a new atlanticism.. And I hope this conference has been some small help on that and some small stimulus on that. And now I give the word to Tiziana Stella who bears the primary, shall I say, responsibility and gratitude of all of us for this.

- **Tiziana Stella:** OK. I also like to thank everybody and I think that when at the beginning I made my opening remarks...I .. I hope that this conference could explore issues not just in the, let's say, conventional way but may be also in a less conventional, less traditional way, and more creative forms. I think we have succeed to do that and we are happy with the results. And to conclude I also like to thank the Association to Unite Democracies for having made this possible. I has been a great opportunity to exchange ideas with people not just in Russia but also from Belorussia, Bulgaria, Argentina, Greece and many other countries. I think we will conclude with our reception. And we have spoken several times today and yesterday about the exercise that our students have done. For them it was a great opportunity and we also learn a lot. The exercise was this process for a NATO-Russia joint strategic review. We have concluded the exercise the night before the conference. And we had a video-conference connecting America, Italy and Moscow. And students will receive the certificate of participation signed by Ambassador Hunter at the reception that we will have now, I believe obviously in the same place. Thank...everybody is invited obviously. Thank you very much for participating.